

УДК 069.01(460)

Хавьер Роиже

МУЗЕОЛОГИЯ И ПАМЯТЬ О ПРОШЛОМ: образы Гражданской войны в экспозициях испанских музеев

В данной статье мы ставим перед собой две основные цели: во-первых, обсудить те теоретические и практические проблемы, с которыми сталкиваются музеи в деле сохранения исторической памяти; во-вторых, проанализировать эволюцию показа музейными средствами событий Гражданской войны в Испании.

В последние годы во многих странах объектом споров становится политика исторической памяти. У этих споров есть три главных причины: во-первых, это необходимость новой интерпретации событий прошлого, которые все еще ждут своего подробного объяснения; во-вторых, вновь осознанная важность прав человека; наконец, в-третьих, эти споры являются частью процесса утверждения новых элементов наследия той или иной страны. Не без определенных противоречий, но все же открываются новые музеи и исследовательские центры, призванные анализировать и осмыслять историческую память.

Очень часто для этих центров характерно принятие перспективы самокритики, признание ужасов совершенных преступлений и стремление отдать должное тем, кто им противостоял. В Испании в последнее время произошли значительные изменения относительно политики памяти о Гражданской войне (1936 – 1939 гг.) и диктатуре Франко. Режим Франко не слишком активно прибегал к политике мемориализации; по сути дела, памятники, воздвигнутые победителями, были весьма немногочисленны и представляли собой, как правило, дело рук бывших воинов. Такое отсутствие всяческих попыток представить Гражданскую войну музейными средствами не было случайностью, оно полностью отвечало общему направлению, нацеленному на сокрытие информации о катастрофе и ее жертвах, которого все время своего существования придерживалась диктатура. В годы перехода к демократии, последовавшего за смертью Франко в 1975 г., основной задачей было гарантировать стабильность новой демократии; поэтому официальной линией стало стремление к примирению бывших врагов. Для того чтобы не открывать вновь старые раны, конфликты прошлого замалчивались и историческая память конструировалась на основании идеи примирения. В последние годы, однако, призывы к тому, чтобы признать права жертв, стали поддерживаться различными гражданскими ассоциациями, политическими партиями, культурными институтами и, что особенно важно, центральными и региональными правительствами. Конструирование памяти теперь направлено не на идею примирения, а на признание и почитание жертв, на восстановление демократических ценностей. Потребность в этом новом отношении к памяти стимулировала значительные общественные и политические дебаты, вопрос о том, могут ли жертвы диктатуры подпадать под действие законов о реституции, даже рассматривался в судах. Такое изменение перспективы в отношении к памяти нашло отражение в планах создания новых музеев и центров наследия на местах, связанных с событиями Гражданской войны – полях сражений, массовых захоронений, убежищ, а так же в возведении новых памятников ее жертвам.

Музеология памяти

Память, по мысли П. Нора, это процесс, который начинается в прошлом, но черпает свои силы из настоящего и зачастую становится осязаемым в так называемых «местах памяти», – физических или символических пространствах сосуществования памяти и истории¹. Для того чтобы то или иное место или объект стали местом памяти недостаточно, чтобы они просто не были забыты. Они должны признаваться местом памяти определенной группой и подвергнуться музеализации. Музеи и другие, сходные с ними формы репрезентации (интерпретационные центры, памятники и т.д.) в этом отношении оказываются одним из важнейших элементов структурирования памяти сообщества и играют важнейшую роль в деле конструирования коллективной памяти, связанной с такими историческими событиями, как, например, Холокост², роль Франции во Второй мировой войне³, переосмысление коммунистического прошлого государств Восточной Европы или наследие диктатур Латинской Америки. Как отмечает Дюкло, «чем менее явным выглядит будущее, тем более определенной становится память»⁴.

Во всем мире память о войнах используется для создания музеологических проектов, призванных решать определенные исторические или политические задачи, связанные с проблемами локальной памяти или туризма. Значительный рост числа музеев, связанных с исторической памятью, фиксируется в мире уже со второй половины 1940-х гг. (т.е., со времени после окончания Второй мировой войны), но в последние несколько десятилетий экспансия именно этого типа музеев кажется особенно заметной. Более того, патриомонизация войны в последние годы претерпела фундаментальные изменения. Идеологические компоненты (патриотизм, самопожертвование и отвага) уступили место историческому анализу (знанию фактов, представлению самых суровых деталей человеческих конфликтов). Если вплоть до 1960-х гг. музеализация самым тесным образом была связана с прославлением тех или иных фактов военной истории, то актуальные тенденции патриомонизации скорее склоняют к объяснению исторических событий и зачастую завершаются показом хрупкости мира. Такая смена перспектив имеет далеко идущие последствия и связана со множеством самых разных факторов: от того, как мы смотрим на те или иные военные события, до времени, которое прошло с момента их завершения, и туристической востребованности напоминающих о них мест. Все это делает необходимым пересмотр имеющихся дискурсов, целей и музеографических приемов⁵. Появление новой памяти также имеет огромное значение, особенно это касается стран Восточной Европы в связи с их коммунистическим прошлым и стран Латинской Америки в связи с годами диктаторских режимов.

Музеологическое измерение всех этих музеев и пространств памяти достаточно сложно. Выделим два основных аспекта. Во-первых (и это самое главное), существуют трудности, связанные с самим музеологическим дискурсом. Какую память следует пока-

¹ См.: *Nora P. Les lieux de mémoire. Paris, 1997.*

² *Young J. After the Holocaust: National Attitudes to Jews: The texture of memory: Holocaust, memorials and meaning // Holocaust Genocide Studies. 1989. № 4. P. 63-76.*

³ *Walsh K. Collective Amnesia and the Mediation of Painful Pasts: the representation of France in the Second World War // International Journal of Heritage Studies. 2001. Vol. 7 (1). № 1. P. 83-98.*

⁴ *Duclos J. C. Razones de ser, límites y actualidad de los museos de la Resistencia en Francia a través del caso del de Isère // El estado y la memoria. Gobiernos y ciudadanos frente a los traumas de la historia / Ed. by R. Vinyes. Barcelona, 2009. P. 549.*

⁵ *Wahnich S. Les musées d'histoire du xxe siècle en Europe // Études. 2005. Vol. 7-8 (403). P. 29-41.*

зывать? Как рассказать о неких, как правило, сложных событиях, не впадая в излишнее их упрощение? Как соединить музеологическую функцию этих институтов с их моральной ответственностью и политикой памяти? Как объяснить необъяснимое? Может ли один и тот же институт одновременно быть и музеем и мемориалом? На эти вопросы всегда сложно найти ответы. В последние двадцать лет понятие «место памяти» обогатилось новыми коннотациями, благодаря все большему распространению такого концепта как «место совести», – это выражение часто встречается в Латинской Америке, где оно должно объяснить трудности перехода к демократии через мемориализацию недавнего прошлого, в котором постоянно попирались права человека⁶. В таких условиях музеи, связанные с исторической памятью, приобретают особое моральное измерение, т.к. оказываются учреждениями, несущими ответственность за распространение знаний о прошлом и, следовательно, также способствующими распространению политического самосознания. Это означает расширение концепта музея, в том числе, и за пределы того определения, которое дает ему ИКОМ. Несмотря на отмечаемые различия, существующие между музеями и мемориалами, многие музеи используют в своем названии слово «мемориал» (нередко даже в том случае, когда ничего мемориального в этих местах нет), так что исторические музеи очень часто оказываются местом встречи истории и памяти⁷.

Во-вторых, следует отметить проблемы презентации, связанные с музеографией. Для исторических музеев коллекция отнюдь не является главным из приоритетов, т.к. в музеографии новейшей истории сценография не предъявляет особых требований к использованию подлинных объектов⁸. Более того, физическая сохранность объектов, связанных с насилием, весьма проблематична: или же их уничтожают сами преступники, стремящиеся избавиться от улик, или же они разрушаются противоположной стороной, воспринимающей их в качестве символа репрессий. Интересным аспектом музеализации сцен конфликтов является тот факт, что, как правило, здесь приходится начинать с наследия, основывающегося лишь на нескольких элементах, отсылающих к историческим процессам. Кроме того, когда такие элементы существуют, смысл им придает их особое символическое значение. По этой причине самым важным аспектом музеализации оказывается представление самого дискурса, памяти о событиях и их значении. Это значительно отличается от того, что принято в других музеях, где базовым элементом, вокруг которого и выстраивается процесс музеализации, становятся произведения искусства или археологические находки.

Столкнувшись с проблемой отсутствия таких объектов, для завершения процессов патриониализации музеи обычно прибегают к следующим четырем стратегиям:

1. Во-первых, это объяснение или (вос)создание того или иного исторического периода. Музеи пытаются объяснить, как происходили различные события, поместить их в определенный географический, военный или социальный контекст, проиллюстрировать причины и следствия конфликтов. Проблема заключается в том, что при конструировании музеологического дискурса используются очень простые гипотезы, – исключением здесь могут стать лишь крупные музеи – поэтому сложным оказывается передать огромное количество нюансов представляемого процесса. Зачастую информация, объясняющая

⁶ *Mir C.* Acción pública y regulación memorial del territorio // El estado y la memoria. Gobiernos y ciudadanos frente a los traumas de la historia. Ed. by R. Vinyes. Barcelona, 2009. P. 523.

⁷ *Duclos J. C.* Razones de ser, límites y actualidad de los museos de la Resistencia ... P. 553.

⁸ *Ibid.* P. 554.

историю, в виде простого записанного текста или в более усложненной форме, характерной для интерпретационных центров, содержит риск не только упрощения этой истории, но и, прежде всего, конструирования или выдумывания национальной истории.

Объяснения зачастую ведут к спорам, т.к. политические коннотации войн и других конфликтов могут быть прочитаны огромным количеством различных способов. В этой связи некоторые исследователи сравнивают разницу в подходах к представлению конфликтов, характерную для различных государств Европы, с тем, как в этих государствах смотрят на прошлое и в каком образе представляют бывших участников военных действий⁹. Так, например, в Великобритании их представляют героями, а история конфликтов представляется в виде «семейной» истории. Во Франции же коллаборационисты очень редко оказываются представленными в исторических и военных музеях, причем, в том случае, когда о них все же говорится, это больше напоминает иллюстрацию к учебнику, чем настоящее музеографическое отражение проблемы: иными словами «молчание приватное превращается в молчание публичное»¹⁰. Подобным же образом коллаборационистов представляют и в музеях Венгрии. Нечто сходное можно найти в итальянских музеях. Во всех этих случаях дискурс, представленный в музеефикации, объясняет часть истории, которая совпадает с версией, (ре)конструированной в национальной памяти. В Германии, однако, именно вина нацистского периода признана в качестве центрального дискурса, при этом, то, как она представлена в музеях, очень сильно отличается от «семейной» памяти и веры в то, что на свет появилась новая страна, основанная на демократических ценностях¹¹. Таким образом, проблема конструирования памяти и исторического дискурса, который мог бы ее поддерживать, существует во всех странах и в связи со всеми конфликтами.

2. Во-вторых, это ресурс эмоций. Разные способы объяснения истории зачастую используют эмоции, вызываемые фильмами или образами, а иногда предлагают посетителям физический или психологический опыт, связанный с нахождением на поле битвы или в условиях бомбардировки. Такие музеи, как пишут М. Асенсио и Э. Пол, стараются выйти за пределы простой экспозиции, «они пытаются обратиться к нашим чувствам и вызвать эмоции <...> монтаж имеет непосредственное влияние на конструирование образов, внутренней репрезентации, последствий и эпизодов, ментальных сценариев, которые обрамляют и упрощают понимание определенных феноменов и концептов»¹². Такой подход порывает с историографией, основывающей свои идеалы объективности на отказе от этих самых эмоций¹³. Музеефикация здесь дает возможность для тех поколений, которые не имели непосредственного опыта жизни в военное время, почувствовать тот же самый «опыт», который был, например, у их родителей. Зачастую такой опыт или игра эмоций предполагают персональную связь с жертвами, представляемыми по имени, что имеет своей целью установление большей близости между ними и посетителями музея. Тогда большое внимание уделяется памяти. По словам Дюкло, это повод для такого пере-

⁹ См.: *Wahnich S. Les musées d'histoire du xxe siècle en Europe.*

¹⁰ «Нежелание вызывать чувство стыда при передаче истории парадоксальным образом ведет к нетерпимости по отношению к этой истории <...> Отказ от эмоций в музее может анализироваться как нежелание порвать с прошлым». См.: *Ibid.*

¹¹ «Ситуация в Германии породила поколение, оказавшееся в ловушке между двумя лояльностями: официальной памяти и семейного молчания». См.: *Ibid.*

¹² *Asensio M., Pol E. La comprensión de los contenidos del museo // Iber: Didáctica de las ciencias sociales. 1998. Vol. 15. P. 15-30*

¹³ *Wahnich S. Les musées d'histoire du xxe siècle en Europe. P. 29.*

смотря экомuzeологии при котором она, продолжая основываться на исторических событиях, «признавала бы также и значение жителя-эксперта, всегда отводя столько же места памяти, сколько и истории»¹⁴. Эти эмоции могут быть представлены благодаря идентификации с той или другой стороной конфликта, зачастую простой отсылкой к факту человеческих страданий, при которой политическая идентичность жертв утрачивается, а сам дискурс основывается на идее примирения. В случае с Испанией – это самый широко распространенный подход, но встречается он и в других странах. Война трактуется здесь скорее как культурный, а не политический факт, а общее движение устремлено к утверждению «культуры мира».

3. Третья стратегия заключается в использовании пространства, (пере)оценке ландшафта и конструировании определенных сценариев. Иногда ландшафт содержит следы конфликта (укрытия, аэродромы, смотровые башни, кладбища, концентрационные лагеря, разрушенные поселения или памятники), но нередко «создание» сценариев или реконструкция его отдельных элементов для формирования пейзажа осуществляются в ходе музеефикации. Так создаются сценарии, которые в другой работе мы назвали «материализацией нематериального наследия»¹⁵. В любой форме, которую только может принять наследие, параметры, определяющие, что именно будет составлять это наследие, связаны с символическим характером того или иного объекта, с тем, может ли он выступать в роли репрезентанта идентичности¹⁶. При этом в случае с теми элементами, которые имеют отношения к конфликтам, важность нематериального компонента, важность памяти оказывается еще более значимой. В отсутствии оригинальных элементов, многие исторические элементы реконструируются или даже создаются заново. Музеефикация, по словам А. Вьель, пытается открыть «дух места»¹⁷.

4. В-четвертых, следует выделить стратегию на обновление конфликта. Иными словами, предпринимается попытка поместить конфликты в контекст относительно недавнего времени и тем самым предложить «истории», которые могут коррелировать с сегодняшним днем, обращаясь к таким аспектам, как деколонизация, иммиграция, поиски убежища, геноцид и различные формы нарушения фундаментальных прав человека¹⁸. Так, например, к Канскому мемориалу добавлены были экспозиции, посвященные Холодной войне и падению Берлинской стены, а во многих музеях Франции, рассказывающих о движении Сопротивления, экспозиции завершаются программными призывами продолжать сопротивление всем формам тоталитаризма и расизма.

¹⁴ Duclos J. C. Razones de ser, límites y actualidad de los museos de la Resistencia ... P. 560.

¹⁵ Roigé X. Memory of the past as an intangible heritage. Museological preservation of the Spanish Civil War // Constructing Intangible Heritage. Ed. by S. Lira, R. Amoèda. Barcelos, 2010. P. 216.

¹⁶ См.: Prats L. Antropología y patrimonio. Barcelona, 1997.

¹⁷ Для нее посещение таких мест состоит из трех элементов: во-первых, это сенсорный опыт «духа места», т.е. признание посещаемого места как места, где живет память, воплощенная в определенных следах. На этом этапе дух посетителя открывается для желания войти во второе, концептуальное пространство, чтобы обнаружить историю этого места (посредством экспонируемых объектов, которые сопровождает научный дискурс); наконец эти два первых опыта ведут к размышлениям (в ходе самого визита и после него) о смысле того, что было узнано. Смысл музеям, посвященным памяти, придают история фактов, память людей, переживших эти факты, и социальная память о событиях. См.: Viel A.: 1) Quand souffle l'esprit des lieux, nature et culture au diapason de la pérennité // Patrimoine et culturel, patrimoine naturel. Colloque de l'école nationale du patrimoine. Paris, 1994. P. 215; 2) Museu bufa l'esperit dels llocs. Natura i cultura al diapason de la perennitat // Aixà: Revista bianual del Museu Etnològic del Montseny, La Gabella. 1997. № 8. P. 29.

¹⁸ Duclos J. C. Razones de ser, límites y actualidad de los museos de la Resistencia ... P. 560.

5. Наконец, как и в любом процессе, связанном с патримониализацией, в случае с конфликтами решающее значение имеет туристический фактор. Туристическое использование таких сценариев вызывает ожесточенные споры относительно того, какое именно наследие следует представлять, как его показывать и можно ли вообще превращать эти объекты в элементы туристической дестинации. В Германии эти споры очень часто возникают применительно к бывшим концентрационным лагерям. Возникают вопросы о том, не является ли эксплуатация их ужасов перверсией или даже тривиализацией исторической памяти¹⁹. Для многих показ подобных мест, наделение их определенными дискурсами и включение в туристический сервис означает новое открытие еще полностью не излеченных ран. Показ подобных объектов новым поколениям вызывает у них негодование. В целом, использование тех или иных мест в туристических целях влияет на процесс их музеализации по крайней мере в двух отношениях: во-первых, их необходимо сделать более привлекательными (и в смысле музеографии, и в смысле различных дополнительных служб); во-вторых, необходимо стремиться к обновлению их содержания и его дидактического показа на современном уровне, т.к. описываемые здесь конфликты становятся все более и более далекими от непосредственного жизненного опыта людей новых поколений. С другой стороны, их туристическое использование также влияет и на политику памяти, т.к. возникают вопросы: может ли данный ресурс быть аттрактивным для туристов или нет, станут ли они посещать места, в которых происходили те или иные ужасные события?

Музеи, посвященные современным конфликтам, являются результатом политики памяти. Поэтому, для того, чтобы понять условия, в которых они были созданы, необходимо знать, как развивалась сама эта политика.

Коллективная память есть социальный конструкт, это не реальность, но она формирует определенную ее часть. Для Ф. Зонабенда память – это дискурс инаковости, в котором обладание историей наделяет группу ее идентичностью. В определенном смысле эта идентичность становится памятью, включающей в себя и наследие; оно вызывает к тем временам и места, в которых конструируется идентичность отдельных индивидуумов и целых социальных групп²⁰. Однако, несмотря на широко распространенные представления, конструирование памяти – процесс отнюдь не нейтральный и спонтанный. Нарративы прошлого тесно связаны с доминирующими политическими дискурсами настоящего и выполняют двойную политическую функцию: узаконивание социо-политических интересов их поборников и усиление их коллективной идентичности²¹. Образы прошлого используются для узаконения определенного социального порядка таким образом, что у участников данного порядка предполагается общая память²². М. Хальбвакс утверждает, что даже индивидуальная память коллективна²³. Можно сказать, что любой памяти (будь она о семейной, индивидуальной или коллективной истории) для того, чтобы существовать, необходимы точки соприкосновения с другими и способы коммуникации. Все человечество составляет сумму коллективной памяти, к которой оно и принадлежит, именно

¹⁹ См.: *Horror and Human Tragedy Revisited: The Management of Sites of Atrocities for Tourism*. Ed. by G. J. Ashworth, R. Hertmann. New York, 2005.

²⁰ *Zonabend F. La mémoire longue: Temps et histoires au village*. Paris, 1999. P. 9-10.

²¹ *Sevillano Calero F. La construcción de la memoria y el olvido en la España democrática // Ayer*. 2003. № 52. S. 297-320.

²² См.: *Connerton P. How Societies Remembe*. Cambridge, 1989.

²³ См.: *Halbwachs M. The collective memory*. New York, 1980.

эмоциональные связи с этой памятью и вызывают в людях такие чувства, как любовь, ненависть, желание, надежда или печаль. Таким образом публичная политика памяти формирует и (вос)создает коллективную память до такой степени, при которой индивидуальная и общая история сливаются воедино.

Эволюция политики памяти в Испании

Обращение к публичной памяти о Гражданской войне прошло в Испании два значительно отличающихся друг от друга этапа. Во времена перехода к демократии публичная память о прошлом, прежде всего, должна была обеспечить стабильность новой демократической эпохи и, следовательно, вести к примирению старых врагов. Конфликты прошлого следовало замалчивать, так чтобы старые раны не открывались вновь; память могла конструироваться только через примирение. В связи со стремлением общества преодолеть разделение на победителей и побежденных, в этот период политических изменений не могло быть и речи о признании моральной ответственности и вины; коллективная память выстраивалась на желании покинуть прошлое и сделать все возможное для обеспечения мирного сосуществования в настоящем²⁴. Как замечает С. Гальвес-Биекас, правительства этого времени проводили весьма пассивную политику памяти, реагируя в определенной степени лишь на самые настоятельные требования и запросы жертв франкизма, и оказывая лишь весьма незначительное влияние на социальном и политическом уровне²⁵. В определенном смысле проводимая ими политика была политикой забвения, для которой самым важным было консолидировать демократические ценности, отвергнуть право на правдивый рассказ о прошлом ради гарантии настоящего и создания будущего²⁶. Надеялись, что этот процесс перехода сможет как бы завершить Гражданскую войну, которая в некотором смысле так никогда полностью и не была предана покою. Завершение ее ассоциировалось с примирением и объединением двух противоборствовавших сторон²⁷. Как утверждает С. Нароцкий, официальная история эпохи перехода не столько «замалчивала» прошлое, сколько «делила осуждение поворну между вовлеченными в конфликт сторонами, в самом общем виде, союзами рабочих, республиканскими и рабочими партиями, с одной стороны, и различными повстанцами (фашистами, военными, землевладельцами, промышленниками, банкирами и т.д.), с другой»²⁸.

Хотя сущность такой политики памяти не слишком изменилась, в последние годы был предпринят ряд мер, направленных не столько на достижение примирения, сколько на

²⁴ Cardús S. Politics and the Invention of the Memory. For a Sociology of the Transition to the Democracy in Spain // *Disremembering the Dictatorship: The Politics of Memory in the Spanish Transition to Democracy*. Ed. by J. R. Resina. Amsterdam, 2000. P. 17-28

²⁵ Gálvez Biescas S. La memoria democrática como conflicto // *Entelequia. Revista Interdisciplinar*. 2008. № 7. P. 1-51.

²⁶ Dakhilia J. L'oubli de la cité. La mémoire collective à l'épreuve du lignage dans le Jeurid Tunisien. Paris, 1990.

²⁷ Cuesta J. La odisea de la memoria. Historia de la memoria en España. Siglo XX. Madrid, 2008. P. 318-319.

²⁸ См.: Narotzky S. «Un futur per al passat»: reflexiones sobre la recuperación de la memoria // *Polítiques públiques de la memòria: I Col·loqui Internacional Memorial Democràtic*. Ed. by J. Guixé, M. Iniesta, R. Vinyes. Barcelona, 2009. Этот дискурс, пронизавший все политические действия, нашел символическое воплощение в широко известной песне, написанной для пропаганды первых демократических выборов 1977 г. В ней противопоставлялись все еще живая память о Гражданской войне («Старики говорят, / что была тут война, / что есть две Испании / и счеты они все еще не свели») и новая ситуация свободы, основанной на примирении и завершении ненависти («Свобода, свобода, свобода без гнева, / Оставь свой гнев и страх, / ведь есть же свобода, свобода без гнева, / пусть не сейчас, но уж точно скоро»).

признание и воздаяние почестей жертвам конфликта, а так же на восстановление демократических ценностей. Начиная с 2000 г. антифранкистская память стала приобретать определенный социальный и политический капитал; теперь ответственность за развязывание конфликта возлагается уже полностью на организованный Франко переворот²⁹. На самом деле с самых первых лет нового века было запущено уже несколько проектов, целью которых является восстановление исторической памяти. Они отвергают и официальную историю эпохи франкизм и ту, что предлагал переходный период, замалчивавший прошлое ради того, чтобы «смотреть в будущее» и развивать гармонию демократии³⁰. Политику признания прав жертв, как уже отмечалось выше, проводят гражданские ассоциации, политические партии, культурные институции и, прежде всего, национальное и региональные правительства. Такое новое отношение к прошлому вызвало ожесточенные политические споры. Всплеск связанных с памятью акций (например, эксгумаций, судебных процессов, удаления франкистских символов, создания музеев и исследовательских центров в местах, ассоциирующихся с войной) и утверждение первой публичной политики памяти, как кажется, ознаменовали наступление новой эры, направленной на утверждение «права на демократическую память»³¹.

Эта новая эра была отмечена публичными дебатами вокруг принятого в 2007 г. «Акта об исторической памяти». Новый закон обсуждался и в итоге был принят в атмосфере серьезных политических трений, подробно освещавшихся в средствах массовой информации. С одной стороны, более консервативные силы критиковали тот факт, что акт нарушал молчаливый уговор, достигнутый в эпоху перехода, и, в частности, записанный в Конституции 1978 г., где демократическая система признавалась той ценой, которую заплатили за умолчание о прошлом. С другой стороны, некоторые силы обвиняли акт в том, что, несмотря на признание и определенное расширение прав тех, кто пережил преследования и насилие во время войны и франкистских репрессий, он все же не дал им легального статуса жертв и не определил франкистские репрессии как преступление. В акте лишь оговаривались «моральная репатриация и восстановление личной и семейной памяти», но никаких средств для привлечения к криминальной или экономической ответственности не упоминалось. Здесь вновь слышались призывы к «духу перехода» и апелляции к модели мирного сосуществования, закрепленной в Конституции. Акт был направлен на то, чтобы «внести свой вклад в исцеление все еще остающихся открытыми ран испанского народа, предложить компенсацию тем гражданам, которые сами, или чьи родственники, пережили страдания, последствия трагедии Гражданской войны или репрессий эпохи диктатуры. Акт направлен на то, чтобы сделать это с твердой верой в то, что консолидация духа примирения и гармонии эпохи перехода сделают честь не только этим гражданам, но и всей испанской демократии в целом».

Примером применения этой новой политики стало открытие правительством Каталонии института, известного под названием «Мемориал демократии». Его целью является «развитие исторического знания о борьбе за демократию в Каталонии и утверждение гражданского права на память». На сегодняшний день «Мемориал демократии» составляет список лиц, пропавших без вести в годы войны, ведет работы по открытию массо-

²⁹ Scagliola A. Canvi a les polítiques públiques de memòria a Catalunya: el passat com a problema. Barcelona, 2006.

³⁰ Aguilar P. Memoria y olvido de la Guerra Civil española. Madrid, 1996.

³¹ Gálvez Biescas S. La memoria democrática como conflicto. P. 15.

вых захоронений для идентификации погибших, а так же устанавливает памятные знаки с описанием военных событий в тех местах (кладбища и т.д.), где были похоронены жертвы войны.

Хотя в акте и говорится о том, что «задачей законодателя не является навязывание определенной коллективной памяти», факт остается фактом: политика эпохи перехода и современная политика памяти внесли значительный вклад в формирование памяти о Гражданской войне. М. Хальбвакс настаивал на том, что прошлое, постоянно обновляемое памятью, является социальным конструктом³²: и на самом деле, память сообщает нам о прошлом, которое является прошлым для настоящего, прошлым, которое изменяется и переписывается в перспективе настоящего.

Музеализация Гражданской войны в Испании

В Испании очень мало музеев и исследовательских центров, посвященных этому ключевому для истории страны периоду. Можно выделить четыре причины такого положения дел. Первая связана с тем наследием, которое оставила после себя эпоха диктатуры. Режим Франко не слишком активно обращался к политике мемориализации; на самом деле, количество памятников, возведенных победителями, было очень невелико, а те, что все же появлялись, построены были, как правило, бывшими участниками конфликта. Как отмечают исследователи, такое отсутствие каких бы то ни было попыток представить Гражданскую войну в музейной форме было вовсе не случайностью, а следствием политики, направленной на сокрытие катастрофы и ее жертв, проводившейся на протяжении всего периода диктатуры³³. В переходную эпоху эта политика не только была продолжена, но и стала еще более очевидной из-за нежелания власти создавать памятники или музеи, посвященные памяти той или иной стороны конфликта. Самым значительным монументом, возведенным режимом Франко, была «Долина павших» (Valle de los Caídos) – огромный мавзолей, высеченный из гранита пленными республиканцами, участниками войны. Именно здесь похоронен Франко, здесь же погребены останки павших воинов, сражавшихся по обе стороны баррикад, – причем захоронения воинов анонимны. Это сделано специально для того, чтобы уничтожить их идентичность. Сам монумент явно создан для того, чтобы упразднить историческую память о мертвых³⁴. Он сохраняется до сих пор и служит подлинной апологией франкизма, апологией, которой, по мнению многих, нет места в современной демократической Испании.

Вторая причина связана с тем, что историческая память основывается на идее примирения и забвения прошлого. В результате, такое прошлое трудно перевести в осязаемую форму. У большинства музеев, посвященных исторической памяти в других странах, есть четкий посыл, осуждающий одну из сторон конфликта за тоталитаризм, действия, связанные с геноцидом или репрессиями. Но в Испании таким конфликтом стала Гражданская война, и, следовательно, предполагается, что посвященные ей музеи должны стать центрами мира и примирения. В-третьих, из-за длительного правления Франко, целое поколение испанцев избегало разговоров о Гражданской войне, следовательно, историческая память о ней не была передана молодым поколениям. С их стороны интерес к этому кон-

³² См.: *Halbwachs M.* The collective memory.

³³ *Santacana J., Hernández F.* Museología crítica. Gijón, 2006. S. 236.

³⁴ *Ibid.* S. 226-229.

фликту весьма невелик. Наконец, в отличие от других стран³⁵, в Испании музеализация не смогла вызвать широкого интереса к местам, ассоциирующимся с историей страны в XX в., – т.е. в нашем случае с Гражданской войной и диктатурой Франко.

Большинство музеологических начинаний предпринимались в связи с долиной Эбро – местом одного из самых кровопролитных и важных сражений Гражданской войны. Битва на Эбро длилась с июля по ноябрь 1938 г. и стала ключевым моментом в ходе войны. Первоначальный успех республиканцев вызывал надежду на то, что исход войны еще может быть изменен, однако битва закончилась убедительной победой франкистов и ознаменовала собой начало завершающего этапа существования республики. Это была грандиозная битва, в том числе, и по количеству человеческих жертв: в ней принимало участие почти 200 000 солдат, из них 16 500 погибло, а 64 000 было ранено. Каждая из сторон – а так же и местное население, которое в близлежащих деревнях сохраняло память о жестоком сражении – создали собственную эпическую версию происходившего. На Эбро была решена судьба испанской республики; но битва знаменита также и тем героическим сопротивлением, которое республиканцы оказывали продвигающимся войскам Франко. Для сторонников Франко эта битва означала победу, но и для демократической антифранкистской культуры она также стала важным символом³⁶. Таким образом, с исторической точки зрения территория, на которой проходила битва, представляет огромный интерес; но и с экономической точки зрения, умелый и гибкий менеджмент такого исторического наследия имеет все шансы привлечь туристов в один из самых бедных регионов Каталонии.

В годы правления Франко самые значительные места на поле битвы были отмечены несколькими монументами. В 1953 г. памятник был установлен на том месте, где находилась штаб-квартира Франко (Кол-де-Моро, Гандеса), а неподалеку еще несколько монументов возвели бывшие воины его армии. Позже, в 1989 г. уцелевшие в сражении республиканцы (члены последней брошенной в бой бригады, которым в 1938 г. было всего по 16 лет) установили рядом с этим местом еще один памятник.

Из-за символического значения битвы было предпринято несколько попыток сохранить память о ней. Примером может служить местный музей в Гандесе, в котором находятся предметы, перенесенные сюда с поля битвы, а так же те, что прежде принадлежали частным коллекционерам. Но, несмотря на свой потенциал, этот процесс мемориализации явно растянулся на слишком долгое время, и множество связанных с ним проектов так ни к чему и не привели из-за отсутствия реальной заинтересованности на правительственном уровне. Только после 2005 г. некоторые из проектов начали приносить плоды. Так как в большинстве деревень округа сохраняется живая память о сражении, было решено вместо создания единого масштабного мемориала, организовать сеть небольших памятных мест, включающую четыре документационных центра в окрестных деревнях. В них рассказывается о военном и политическом развитии событий («115 дней»), повседневной жизни солдат («Солдаты в окопах»), роли прессы и пропаганды («Голоса фронта») и медицинском факторе во время сражения («Кровь госпиталей», Батеа). Но самые значительные места – это те, в которых проходила сама битва: например, старая деревня Корбера д'Эбре,

³⁵ *Lighth D.* Gazing on communism: heritage tourism and post-communist identities in Germany, Hungary and Romania // *Tourism Geographies*. 2000. Vol. 2. № 2. P. 157-176.

³⁶ *Castell E., Falcó L.* El museòleg desactivat. Actors i audiències en la representació de la batalla de l'Ebre // *Mnemòsine. Revista Catalana de Museologia*. 2004. № 1. S. 49-54.

остающаяся неизменной с момента своего разрушения (новая деревня была отстроена у подножия холма), а так же несколько окопов.

Был возведен мемориал жертвам конфликта, «монумент для всех тех, кто принимал участие в битве, независимо от их идеологии или принадлежности к той или иной стороне, призванный помочь в преодолении того разрыва, который возник в общества из-за Гражданской войны и затем поддерживался многочисленными памятниками, возводимыми в разных уголках Испании представителями двух противоборствовавших сторон». Монумент включает биографические сведения о солдатах и участок для захоронения «останков воинов, которые по сию пору лежат в оврагах, холмах и полях». Проект «Битва на Эбро» направлен на то, чтобы «передать посетителям атмосферу воспоминаний и размышлений о смерти и жертве целого поколения, противостоя помпезности других памятных мест, призванных прославлять войну и ее мучеников <...> чтобы найти мир, объяснив, на что была похожа война». При СОМЕВЕ, консорциуме, ответственном за возрождение памяти о битве, существует Бюро без вести пропавших, которое предоставляет семьям информацию о солдатах, пропавших во время боевых действий, времени их гибели и месте захоронения. Это делается для того, чтобы «восстановить историческую память той части общества, которая на протяжении 60 лет переживала муки неведения и молчания, навязанного страхом».

Таким образом, культурным основанием проекта служит идея искупления, основывающаяся на культуре достижения мира, – дискурсе, одинаково осуждающем обе стороны. Кроме того, проект должен стимулировать туристическую востребованность этой сельской глубинки, потерявшей значительное количество населения в 1970-е гг. и в настоящее время привлекающей лишь небольшое число приезжих. Используя связь района с событиями, предопределившими исход Гражданской войны, вполне можно превратить его в важный пункт туристических маршрутов. Тем не менее, ставка на объекты небольшого масштаба и отказ от создания мощного музеологического ресурса означают ограниченность численности посетителей для всех мест этого района примерно 5 000 в год, хотя и озвучивались надежды на рост этой цифры к 2010 г. до 30 000 человек.

Большинство проектов, реализованных к настоящему времени, связаны с Каталонией. Одна из самых важных задач упоминавшегося выше «Мемориала демократии», созданного правительством Каталонии, заключается в поддержке сети пространств памяти для того, чтобы «спасти от забвения или ограничения лишь частными рамками коллективное мемориальное наследие и включить эти места в публичное пространство Каталонии <...> места, которые могут точно и педагогично объяснить это прошлое, добавить новые элементы в демократическую память». Несколько музеев и центров было открыто под эгидой Каталонской сети пространств памяти (Xarxa d'Espais de Memòria).

Мемориальный музей эмиграции в городе Ла-Жункера хранит память об исходе республиканцев, том эпизоде, который «стал неотъемлемым ориентиром коллективного воображения Каталонии и всей Европы новейшего времени». В своей миссии музей так формулирует стоящую перед ним цель – «почтить жертв и объяснить наше недавнее прошлое молодым поколениям, показать историческую и людскую цену, которую пришлось заплатить в ходе борьбы за демократию». Музей не только ведет экспозиционно-выставочную работу, но также проводит исследования и публикует их результаты. Целью проекта является помимо всего прочего мемориализация 50 участков по обе стороны франко-

испанской границы, так или иначе связанных с исходом республиканцев в последние недели Гражданской войны.

Напоминает этот проект и Музей-тюрьма в городе Сорте, рассказывающий историю почти 60 000 беженцев, устремившихся в Испанию после немецкой оккупации Франции: «Бежавшие от диктатуры и с той и с другой стороны границы пережили одиссею, которая достойна того, чтобы о ней помнили и память о ней сохранили для последующих поколений. Благодаря этой памяти новые поколения смогут осознать необходимость в защите мира и демократии, понять их хрупкость». Как и в других случаях, этот музей стремится увязать опыт прошлого с современными обстоятельствами: «новое открытие трудностей, пережитых столь многими европейцами в бурях первой половины двадцатого столетия, напоминает нам, в начале нового века, о долгой борьбе и жертвах, которые были необходимы для создания демократического общества, верящего в ценности культуры мира и гармонии – ценности, которые так никогда полностью и не были утверждены, – ставит нас перед лицом нашей собственной истории, времени, когда многие по ту сторону границы все еще пытаются найти мир».

Также неподалеку от французской границы, в Мартинете расположен Парк бункеров, предлагающий посетить несколько сохранившихся в этом регионе укреплений, так называемую, линию Р, построенную по приказу Франко в конце Второй мировой войны для предотвращения возможного вторжения союзников. Бункеры никогда не использовались и даже не были укомплектованы вооружением. Маршрут начинается в центре для посетителей, где аудиовизуальный комплекс описывает атмосферу бункеров, что позволяет посетителю «погрузиться в перевернутый мир господствующей над всем войны и вновь оживить чувства страха, боли, неуверенности и ужаса, вызванных политическими событиями того времени». В рамках этого комплекса в ближайшее время должны быть открыты и новые центры: например, «Пиренеи в годы войны» в Ла-Побла-де-Сегур, рассказывающий об истории сегрского фронта, а так же Центр Вальтера Беньямина, посвященный творчеству немецкого философа и восстанавливающий маршрут его бегства от нацистов.

Всемирно известным символом ужасов войны стала бомбардировка Герники. Это событие приобрело огромный резонанс; сам город имел очень важное культурное значение, т.к. именно здесь некогда проходили старинные народные собрания, здесь хранился исторический бискайский архив, символом басков было дерево Герники. Бомбардировка Герники была первым примером массовой бомбардировки гражданского населения. Ее на одной из самых знаменитых своих картин запечатлел П. Пикассо. Впервые «Герника» Пикассо выставлялась в Испанском павильоне на Международной выставке в Париже в 1937 г. Авиабомбардировку Герники провели 26 апреля 1937 г. войска немецкого легиона «Кондор» и итальянской савойской дивизии, сражавшиеся на стороне Франко. За несколько часов уничтожено было до 70 % городских построек, погибло множество гражданских лиц.

Музей, посвященный памяти об этих событиях, был открыт в 1998 г. Затем он подвергся полной перестройке и уже под новым именем Музея мира в Гернике открылся в 2003 г. Это один из самых известных музеев, связанных с историей Гражданской войны. Он же был и первым, кто сфокусировал внимание на истории этого конфликта. Цель музея быть аттрактивным и динамичным «местом, где история, эмоции и эмпатия прокладывают дорогу к примирению, местом, которое показывает, что вместе мы можем построить мир». Как и другие центры такого рода, со временем музей начал формировать дискурс,

выходящий за рамки событий, о которых он должен напоминать, и приобрел современное измерение. Для Яна-Эрика Шульте, секретаря Международного комитета мемориальных музеев памяти жертв государственных преступлений, «Музей мира в Гернике не просто признает прошлое; он стремится к переменам в будущем. Он защищает мир как способ противодействия жестокостям прошлого и поминовения его жертв. Цель музея – учить сегодняшние поколения для того, чтобы достичь мирного разрешения будущих конфликтов».

Как мы уже отмечали выше, в Испании по сравнению с другими странами достаточно мало музеев и интерпретационных центров, посвященных ее политическому прошлому. Однако в последние годы было запущено несколько новых проектов. Кроме тех, о которых уже упоминалось, следует назвать созданный в 2002 г. Документационный центр исторической памяти в Саламанке. Здесь не только существует постоянная экспозиция, посвященная конфликту, но и хранится Исторический архив Гражданской войны. История архива восходит к первым дням Гражданской войны и начинается в 1937 г. Он был основан Франко в качестве хранилища документов, конфискованных на республиканских территориях. Хранящиеся здесь документы могли быть использованы в качестве свидетельства сотрудничества с Республикой секретных служб Франко, например, его Специального трибунала по преследованию масонов и коммунистов. С возвращением к демократии архив стал объектом ожесточенных споров, т.к. отдельные регионы (например, Каталония и Баскония), а так же местные институции, чьи документы были конфискованы в архив, требовали их возвращения. До сих пор этот спор так и остается актуальным, никакого удовлетворительного решения проблемы все еще не предложено. Создание Документационного центра было попыткой дать новое направление для развития этого института.

Большинство музеев, посвященных событиям Гражданской войны, располагаются в старых бомбоубежищах. После многих лет небрежения, бомбоубежища в целом ряде испанских городов стали ремонтироваться и открываться для публики. Например, в Картахене был создан Музей-убежище Гражданской войны, представляющий стенды, фотографии, предметы и аудиовизуальные материалы, которые должны показать посетителям, как жители городов спасались здесь от бомбардировок. Музей расположен в старом бомбоубежище, вырытом в склоне холма, и рассказывает о том, как это убежище было построено, как жители города защищались от бомбежек, как организовывалась деятельность самого убежища. В первую очередь, музей фокусирует свое внимание на повседневной жизни города в военное время, трудностях жизни семей, чьи мужчины ушли на войну, нехватке товаров первой необходимости, отправке детей в безопасные места в Испании и за границей. Как и в других случаях, последний зал музея посвящен миру, здесь дети представляют собственные рисунки и свое видение того, что такое война и мир, здесь же аудиовизуальные средства доносят до посетителя эффект бомбардировок города. В Альмерии зона убежищ, сохранившая свою оригинальную структуру, также была открыта вновь. Здесь ее сопровождает интерактивная музейная экспозиция, воссоздающая жизнь в убежище: представлены запасы еды и кухня, которой обитатели пользовались, когда знали, что бомбардировка затягивается, есть даже самодельная операционная с материалами того времени. Аудиовизуальные средства, персональные свидетельства и информационные панели предлагают посетителям картину экономической и культурной жизни города накануне и в ходе Гражданской войны.

В Барселоне в 1999 г. Музей истории города отметил 60-летие бомбардировок каталонской столицы открытием убежища № 307, где посетители могут пережить опыт, зна-

комый гражданскому населению того времени: передаются шум авиа налета и голоса детей. Установленные снаружи информационные панели воссоздают самые значительные моменты войны. Неподалеку от Барселоны, в городе Ла-Гаррига было открыто еще одно бомбоубежище времен Гражданской войны. Здесь посетители могут узнать о влиянии войны на судьбу города, о самом убежище, посмотреть фотографии, на которых город запечатлен в военное время. Внутри убежища была восстановлена оригинальная система освещения, развешаны плакаты, установлен копийный материал. Впрочем, последнего не слишком много, чтобы ничего не отвлекало внимание от структуры самого убежища. Есть здесь и четыре аудиоточки, которые активизируются сенсорами при приближении посетителя. Запись передает имитацию шума бомбежки вместе с комментарием, описывающим влияние войны – и особенно налета 29 января 1939 г. – на город, и разговором двух рабочих, прячущихся от бомбардировки. Кроме того, посетитель слышит диалог между дедом и внуком, который просит рассказать ему о военном времени в Ла-Гарриге, а так же разговор двух иностранных солдат.

Во всех этих случаях опыт, полученный в музее, включает в себя посещение убежищ военного времени и интерактивных экспозиций, усиливающих эффект и помогающих посетителям представить себе, что такое бомбардировка. Ключевым элементом во всех этих примерах является устное свидетельство; именно устная память структурирует и определяет визит.

Заключение

Краткое описание музеев и исследовательских центров, связанных с памятью о Гражданской войне, показывает нам процесс музеелизации своего рода развивающегося наследия. Этот процесс, несомненно, будет продолжаться и в дальнейшем. При этом еще предстоит увидеть, какой отклик и интерес вызовут у публики все эти начинания и, прежде всего, включится ли, наконец, широкая аудитория в обсуждение этих вопросов. В любом случае, возвращение наследия войны и его музеелизация продолжают оставаться в Испании процессом далеким от завершения и, как мы уже убедились, число музеев и прочих институций, посвященных Гражданской войне, здесь все еще невелико.

Музеелизация Гражданской войны в Испании – это яркий пример того, что Ж. Даваллон описывает, как процесс создания наследия и процесс посредством которого остатки прошлого приобретают статус элементов культурного наследия³⁷. Но превращение памяти в наследие связано с фундаментальной проблемой. Память, как мы уже отмечали, это интерпретация истории, но не сама история. Зачастую превращая эту память в историю, представляя ее при помощи материальных объектов в музеях или исторических местах, мы пытаемся создать объективное доказательство «истории», а не «памяти» или «свидетельства» – иными словами, не столько интерпретацию, сколько создание «истины»³⁸. Превращенное в «наследие» событие становится историческим свидетельством, чем-то, что следует сохранять для последующих поколений как доказательство того, что происходило. Проблема с таким превращением в наследие заключается в следующем: то, что в итоге должно сохраняться – это наше видение прошлого, наша «память», созданная на основе настоящего. То, что сохраняется, это не столько коллективная или социальная

³⁷ Davallon J. Comment se fabrique le patrimoine? // Sciences humaines. Hors série. 2002. № 36. P. 74-77.

³⁸ См.: Narotzky S. «Un futur per al passat»: reflexiones sobre la recuperación de la memoria.

память, сколько видение конкретного историка или музеолога или политического дискурса, лежащего в основе проекта.

Для того чтобы преодолеть это затруднение, многие музейные проекты, связанные с Гражданской войной, используют дискурс, который можно было бы определить как дискурс искупления³⁹, отражающий публичную политику, направленную на достижение примирения. Идеи искупления и примирения все еще лежат в основе многих проектов. Как мы уже видели, в случае с Мемориалом сражения на Эбро культурное измерение проекта основывается на культуре мира и равном разделении ответственности за произошедшее между обеими сторонами конфликта. В том же духе, как и в случае со многими другими музеями такого рода, память о бомбардировке Герники была превращена в Музей мира. Этот феномен не является специфически испанским, достаточно вспомнить Канский мемориал во Франции, но в нашей стране связь с исторической памятью о Гражданской войне такова, что к конфликту обращаются через общее осуждение насилия, без детального анализа событий, их причин или сущности различий двух противоборствовавших сторон.

Выше мы попытались показать эволюцию политики памяти и ее репрезентацию в музеях: от политики забвения к политике конструирования антифранкистской памяти. Музеи и пространства наследия битвы на Эбро демонстрируют пример переработки исторической памяти и показывают, как наследие конструируется и используется каждым новым поколением в зависимости от его культурного и символического значения. Эта переработка основывается на процессе конструирования нематериального наследия, которое затем превращается в его музеализацию. Память, как отмечает К. Уолш, не является статичной, она изменяется с каждым поколением и поэтому новые инициативы в области наследия вполне отвечают логике данного процесса⁴⁰. В условиях активного роста таких инициатив и обратного превращения «памяти» в «наследие» можно ли думать, что прошлое почти уже закрыто? Или же скорее ему уготовано новое политическое, экономическое и социальное использование?

Перевод с английского В. Г. Ананьева

Информация о статье

Автор: Роиже Хавьер – Ph.D., лектор по социальной антропологии и музеологии, декан факультета географии и истории, Испания, Университет Барселоны, roige@ub.edu

Заглавие: Музеология и память о прошлом: Образы Гражданской войны в экспозициях испанских музеев.

Абстракт: Статья посвящена проблеме репрезентации исторической памяти о Гражданской войне в экспозициях музеев современной Испании. Две основные цели исследования: охарактеризовать теоретические и практические проблемы, с которыми сталкиваются музеи в деле сохранения исторической памяти; и проанализировать эволюцию показа музейными средствами событий Гражданской войны в Испании. Обращение к публичной памяти о Гражданской войне прошло в Испании два различных этапа. Во времена перехода к демократии публичная память о прошлом, прежде

³⁹ См.: *Santacana J., Hernández F. Museología crítica.*

⁴⁰ *Walsh K. Collective Amnesia and the Mediation of Painful Pasts. P. 98.*

всего, должна была обеспечить стабильность новой демократической эпохи и, следовательно, вести к примирению старых врагов. Правительства этого времени проводили весьма пассивную политику памяти. В последние годы был предпринят ряд мер, направленных не столько на достижение примирения, сколько на признание и воздаяние почестей жертвам конфликта, а так же на восстановление демократических ценностей. Начиная с 2000 г. антифранкистская память стала приобретать определенный социальный и политический капитал. С самых первых лет нового века было запущено уже несколько проектов, целью которых является восстановление исторической памяти. Автор анализирует наиболее значительные музейные проекты в этой области и указывает на их связь с новой политикой памяти.

Ключевые слова: историческая память, Гражданская война в Испании, музей, музеология, экспозиция.

On article

Author: Roigé Xavier – Ph.D., Lecturer on Social Anthropology and Museology, Dean of Faculty of Geografy and History, Spain, University of Barcelona, roige@ub.edu

Title: Museology and memory of the past: the musealization of the Spanish Civil War.

Abstract: The article is devoted to the problem of representation of historical memory on Civil War in the exhibitions of contemporary Spanish museums. Two its main objectives: a) a reflection on the theoretical and practical problems that are presented to the museums for the preservation of historical memory; b) an analysis of the evolution of museums about the Spanish Civil War. In Spain, the use of the public memory of the Civil War has evolved since Franco's death. In fact, two distinct stages can be defined. During the transition to democracy, the public memory of the past above all sought stability in the new democratic era, and to do so promoted reconciliation between the old enemies. The governments in the democratic era pursued low-profile policies of memory. In recent years a new set of policies have been pursued that aim not merely to achieve reconciliation, but to acknowledge and honor the victims and to reassert democratic values. Since the year 2000, the anti-Francoist memory has gained social and political capital. In fact, since the turn of the century a vast number of projects for the recovery of the historical memory have been launched. The author analyzes the most significant museum projects in this area and indicates their relationship with the new policy of memory.

Key words: historical memory, Spanish Civil War, museum, museology, exhibition.